

Шкіль С. А., кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Национальный университет биоресурсов и природопользования Украины (Украина, Киев), lauby@meta.ua

Дихотомия «Восток–Запад» в формировании русского мировоззрения

Проанализировано становление дихотомии «Восток–Запад» в российской мировоззренческой парадигме, в частности: подчинение православной церкви централизованной власти во время царствования Ивана IV; образ юродивого, что своим безумием оказывал бунт против деспотизма культуры, воплощенной в тирании монарха; распространенную среди мирян и рядового духовенства концепцию о захвате власти в «истинном царстве» антихристом; петровский архетип «вечного ученика» с его представлениям среди интеллигенции о несовершенстве, устарелости и неправильности всего старого, автохтонного. Доказано, что нарратив полемики между сторонниками и критиками реформ актуализировано присутствует не только в историографии, литературе и философии, но и в настоящем.

Ключевые слова: дихотомия «Восток–Запад», российское мировоззрение, мировоззренческий нарратив, византизм, православие, «истинное царство», архетип.

* * *

УДК 111.731

Гришанова Е. В.,
аспирантка, Донецкий национальный университет
(Украина, Красноармейск), katyushka.0312@mail.ru

РУССКАЯ ТЕОРИЯ КОМИЧЕСКОГО В АСПЕКТЕ СОВРЕМЕННОГО ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассмотрена проблема комического в контексте философского исследования отечественной теории. Проанализированы варианты определения понятия юмора, а также показана сущность проблемы комического отечественной теории как основы понимания юмора в русской культуре.

Ключевые слова: юмор, смех, категория комического, концепция комического.

(статья друкується мовою оригіналу)

Актуальность вопроса о соотношении русской теории юмора в аспекте философского исследования связана с областью комического, которая давно является предметом научного интереса различных ученых, но, несмотря на это, остается неисчерпанной. На протяжении всего отечественного периода проблема смеха была в центре внимания философской мысли. Интерес к проблеме комического проявляли практически все выдающиеся мыслители, как Древней Греции, так и Древнего Рима. За этот период было высказано множество идей и сделано огромное количество наблюдений, предопределивших дальнейшее развитие теории смеха. Первая известная попытка определения сущности смеха Демокритом представляла объект смеха как нечто мнимосущее. Из этого онтологического толкования затем разветвляются гносеологические (разоблаченная иллюзия), этико-аксиологические (завышенная самооценка), эстетические (мнимотрагическое), риторические (несоответствие формы содержанию) определения и трактовки смешного. Сегодня категория комического наиболее часто применяется по отношению к сфере искусства. Но по сути это общепризнанная философская категория, которая с успехом может применяться при исследовании многих социальных, политических и культурных процессов. Возврат к истокам формирования комического как философской категории в отечественный период поможет глубже понять вариативность использования данной категории в различных отраслях социально-гуманитарного знания.

Целью нашей работы является анализ проблемы комического в контексте русской философской мысли.

Русская культура тесно связана с литературными комическими жанрами, прежде всего древнерусской сатирой, а также с классическими сатирическими произведениями XVIII в: А. Д. Кантемира, А. П. Сумарокова, Н. И. Новикова, Д. И. Фонвизина. Эта традиция воплотилась в горьком «смехе сквозь слезы» Н. В. Гоголя, негодовании М. Е. Салтыкова–Щедрина, комизме Ф. М. Достоевского, тонком юморе А. П. Чехова, многообразии сатирических и юмористических произведений XX века. Можно с полным основанием сказать, что именно смеховые традиции были наиболее весомым вкладом России в мировую литературу и культуру.

Говоря о великих ученых, то можно сказать, что каждый из мыслителей внес великую лепту в развитие философской мысли отечественной теории. Литературный критик и философ В. Г. Белинский в своем творчестве уделял достаточно большое внимание проблеме комического. Суть комического автор усматривает в противоречии жизни с ее сущностью. Здесь можно выделить два аспекта: онтологический – объект смеха как мнимая субстанциональность и телеологический – несоответствие притязаний объекта смеха и естественного, целесообразного развития жизни и истории. Источником комизма, таким образом, является сама жизнь, объективное положение вещей. Задача смеха – обнаружить нелепость и нецелесообразность явлений и показать их несоответствие здравому смыслу и требованиям справедливости.

Для автора цель смеха – исправление и улучшение общества. Ученый пишет: «В комическом произведении жизнь для того показывается нам такую, как она есть, чтобы навести нас на ясное созерцание жизни так, как она должна быть» [2, с. 50]. В таком понимании смех приобретает социально-этическое значение как механизм обострения и последующего разрешения противоречий сущего и должного в пользу последнего. Настоящая комедия, согласно В. Г. Белинскому, «должна живописать несообразность жизни с целью, должна быть плодом горького негодования, возбуждаемого унижением человеческого достоинства, должна быть сарказмом, а не эпиграммою, судорожным хохотом, а не веселою усмешкою, должна быть написана желчью, а не разведенною солью, словом, обнимать жизнь в ее высшем значении, то есть в ее вечной борьбе между добром и злом, ненавистью и эгоизмом».

Русский писатель, публицист А. И. Герцен в некоторых работах высказал ряд замечаний, касающихся смеха. Смех, прежде всего, понимается как действенное, общественно значимое орудие борьбы с ложными идеалами. Автор писал: «Смех – одно из самых сильных орудий против всего, что отжило и еще держится бог знает на чем, важной развалиной, мешая расти свежей жизни и пугая слабых. Повторяю, что предмет, о котором человек не может улыбнуться, не впадая в кошунство, не боясь угрызений совести, – фетиш, и человек подавлен им; он боится его смешать с рядовыми предметами» [4, с. 367].

Советский общественный и государственный деятель А. В. Луначарский в последние годы своей жизни собирал материал для так и не написанной книги «Социальная роль смеха». Он писал о том, что достаточно интересна идея о взаимоотношениях нового и старого, оригинального и

известного в комическом: «...всякая новая идея, всякий новый факт, предмет вызывают в человеке повышение внимания. Все необычайное является для нас проблемой, беспокоит нас. Чтобы успокоиться, нам нужно свести это новое на уже знакомое, чтобы оно перестало быть чем-то загадочным, а поэтому, возможно, опасным» [6, с. 81]. Этот пассаж объясняет, во-первых, состояние удовольствия от комического (разрядка энергии, направленной на осмысление чего-либо необычного и беспокоящего нас) и, во-вторых, «разоблачающую» роль смеха (любое явление, претендующее на величие и избранность, снижается до сферы обыденных, фамильярных отношений).

Областью исследования русского философа и филолога М. М. Бахтина является народно-смеховая культура, воплощающая единый смеховой аспект мира в переплетении трех основных форм своего проявления: праздника, словесных смеховых произведений и фамильярно-площадной речи.

Для философа праздничные, карнавальные формы народной жизни, санкционированные смехом, противостоят официальной церковной и религиозной культуре. Смех организует иной мир человеческой жизни, неподцензурный и подчиняющийся своим специфическим правилам, то есть принадлежащий к особой сфере бытия. Автор пишет: «Карнавал не созерцают, в нем живут... Карнавальная смех, во-первых, всенароден, смеются все, это – смех «на миру»; во-вторых, он – универсален, он направлен на все и на всех (в том числе и на самих участников карнавала), весь мир представляется смешным, воспринимается и постигается в своем смеховом аспекте, в своей веселой относительности; в-третьих, наконец, этот смех амбивалентен: он веселый, ликующий и – одновременно – насмешливый, высмеивающий, он и отрицает и утверждает, и хоронит и возрождает. Таков карнавальная смех» [1, с. 12]. Русский философ утверждает, что карнавальная смех снижает и возвышает, развенчивает и увенчивает, формируя своеобразную народную утопию, нивелирующую сословные и имущественные различия и провозглашающую универсальное равенство.

В центральной работе «Проблемы комизма и смеха» ученый В. Я. Пропп указывает на чрезмерную абстрактность большинства теорий комического и практическую неприменимость их ко всему многообразию смешных ситуаций в реальной жизни. Слабость этих теорий, полагает он, лежит в попытках подогнать эмпирический материал под заранее подобранное объяснение, что искажает и обедняет исследования. Единственной возможностью подойти к решению проблемы он считает индуктивный метод. Автор подвергает кропотливому анализу тысячи примеров, взятых из литературы, фольклора, реальной жизни, и на основе этого анализа делает общие выводы.

Им выделяется ряд различных видов смеха: насмешливый, наиболее тесно связанный с социальными, моральными и эстетическими нормами; добрый смех, беззлобный и юмористический; злой, циничный смех; жизнерадостный, «беспричинный» смех; смех разгульный, близкий к бахтинскому карнавальному смеху, и древний обрядовый смех, имеющий выраженное магическое значение.

Отечественный эстетик и филолог Ю. Б. Борев написал две книги о смехе: «О комическом» (1957)

и «Комическое» (1970). В комическом, по мнению ученого, всегда присутствуют два противоположных начала, «первое из которых кажется положительным и привлекает к себе внимание, но на деле оборачивается отрицательным свойством» [3, с. 178]. Здесь автор следует в традиционном русле объяснения комического через противоположность, предполагая, что все предшествующие теории, противопоставлявшие безобразное – прекрасному, нелепое – разумному, автоматичное – живому и т.д. в принципе верны, но отражают только одну из сторон комического. Комическое противоречие, таким образом, берется в наиболее широком из возможных диапазонов. Неизбежную в таких случаях абстрактность ученый пытается восполнить внесением в комическое исторической динамики. Положительный полюс противоречия – эстетический идеал – исторически изменчив, таким же образом изменяется и его противоположность.

Ю. Б. Борев полагает, что смех способен объяснить многочисленные белые пятна истории, показав истинное, не подвергнувшееся цензуре и идеологической мифологизации самосознание духовной культуры. В этом отношении особенно значимы неофициальные смеховые свидетельства, созданные в эпохи тоталитарного нажима и фальсификации исторических фактов. На этом тезисе основаны изыскания в области интеллигентского фольклора России XX века.

История изучения смеха, по мнению философа Л. В. Карасева, проходит под знаком Аристотеля – все последующие изыскания повторяют две важнейшие идеи, отмеченные им: во-первых, сущность смеха при всем многообразии ее проявлений едина, и, во-вторых, эта сущность состоит в обнаружении в объекте комического некоей меры зла. Автор считает, что смех действительно отражает зло, но никогда не является его причиной. К пониманию этого подводит тот факт, что смех – отражение не всего зла, а определенной его меры, той, которая в дефиниции Аристотеля была определена как «некая безболезненная ошибка». «Безболезненность», безопасность меры зла подразумевает возможность его преодоления. Смех, отражая зло в своем зеркале, указывает на эту возможность, осознание которой и выражается в радости.

Для возникновения комического, по мнению ученой М. Т. Рюминой, необходимы три мотива: противоречия, игры и видимости. Противоречие понимается в онтологическом, гегелевском смысле – как ложность, несоответствие явления своим субстанциональным основам, ведущее к его саморазрушению. Игра рассматривается как специфическое совмещение реального и условного, где сочетаются удовольствие, свободное самовыражение и разрядка напряжения. Видимость в свою очередь есть явление, в котором сущность отображается не адекватно, а искаженно. Центральным для данной теории является именно понятие видимости. Собственно, комическое определяется как «процесс удвоения видимости и ее уничтожение» [7, с. 79]. Первая видимость объективна по природе и скрывает неадекватность сущности ее проявлению. Вторая видимость субъективна, иллюзорна и основана на попытке скрыть первую, придать себе вид существенного. Поданное наглядно несоответствие между субъективной и объективной видимостью рождает комизм. Нетрудно

заметить параллели между концепцией М. Т. Рюминой и теорией Жан-Поля, с одной стороны (объективный и субъективный контраст), и Г. В. Ф. Гегеля – с другой (саморазрушение и мнимая субстанциональность). Сочетание этих теорий, по-новому представленное, приводит к новым выводам. Принцип удвоения видимости объясняет феномены «двойничества», пародии, иллюзорности и т.д. в комическом, а также приводит к оригинальной трактовке исторических типов смеха.

Свою теорию комического ученый А. В. Дмитриев связывает с рядом социологических вопросов, которые он описал в своих работах «Социология юмора» (1996) и «Социология политического юмора» (1998). Юмор понимается как наиболее общее родовое понятие, включающее в себя весь диапазон культурно значимого смешного – сатиру, иронию, шутку, пародию и т.д. В его работах исследуется не весь обширный пласт смешного, а только та его часть, которая связана с политической и социологической проблематикой. «Юмор и вызываемый им смех, – считает А. В. Дмитриев, – требует... не общепринятой философской и эстетической, но социологической и политологической интерпретации» [5, с. 5]. По мнению автора, социологическую сущность юмора наиболее четко раскрывает функциональный анализ эмпирического материала. Центральную и важнейшую часть исследования составляет анализ социальных функций смеха. Автор выделяет функции *социализации, идентификации и дифференциации, коммуникативную функцию, а также функцию конфликта.*

А. В. Дмитриев считает, что юмор «расширяет умственный кругозор; повышает общую культуру; привлекает общественное внимание; препятствует авторитаризму и тоталитаризму; ослабляет межличностные конфликты; освобождает от штампов, монотонности и однообразия в действиях. Автор уверен, что юмор в целом носит позитивный и функционально полезный характер в общественной жизни.

Таким образом, можно вполне обоснованно утверждать, что в большинстве отечественных теорий смеха вне зависимости от того, какую линию они представляют, можно отметить три основные характерные тенденции. Во-первых, смех рассматривается как специфическая область регуляции между сущим и должным. Комическое проявляет свою природу, прежде всего в моральной сфере: достаточно четко эта мысль проводится уже В. Г. Белинским, в наиболее полном и разработанном виде – В. Я. Проппом и Л. В. Карасевым. Во-вторых, смех рассматривается как социальный феномен. Социальная роль смеха является определяющей практически для всех теорий; особенно это относится к концепциям А. В. Луначарского и А. В. Дмитриева. В-третьих, основополагающей для отечественной традиции является попытка учета исторического фактора. Великие ученые раскрывают целый пласт не исследованной ранее европейской истории и культуры.

Список использованных источников

1. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1986. – 543 с.
2. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений / В. Г. Белинский. Соч. в 13 т. – Т.1. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1953. – 562 с.
3. Боров Ю. Б. Эстетика... / Ю. Б. Боров. Соч. в 2 т. – Т.1. – Смоленск: Русич, 1997. – 576 с.

4. Герцен А. И. О литературе / А. И. Герцен. – М.: Мысль, 1962. – 580 с.

5. Дмитриев А. В. Социология политического юмора / А. В. Дмитриев. – М.: «Российская политическая энциклопедия», 1998. – 335 с.

6. Луначарский А. В. Собрание сочинений / А. В. Луначарский. Соч. в 8 т. – Т.8. – М.: Художественная литература, 1964. – 548 с.

7. Рюмина М. Т. Тайна смеха, или Эстетика комического / М. Т. Рюмина. – М.: Знак, 1998. – 251 с.

References

1. Bahtin M. M. Literaturno-kriticheskie stati / M. M. Bahtin. – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1986. – 543 s.

2. Belinskii V. G. Polnoe sobranie sochinenii / V. G. Belinskii. Soch. v 13 t. – T.1. – M.: Izdatelstvo Akademii Nauk SSSR, 1953. – 562 s.

3. Borev Yu. B. Estetika... / Yu. B. Borev. Soch. v 2 t. – T.1. – Smolensk: Rusich, 1997. – 576 s.

4. Gercen A. I. O literature / A. I. Gercen. – M.: Mysl, 1962. – 580 s.

5. Dmitriev A. V. Sociologiya politicheskogo yumora / A. V. Dmitriev. – M.: «Rossiskaya politicheskaya enciklopediya», 1998. – 335 s.

6. Lunacharskii A. V. Sobranie sochinenii / A. V. Lunacharskii. Soch. v 8 t. – T.8. – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1964. – 548 s.

7. Ryumina M. T. Taina smeha, ili Estetika komicheskogo / M. T. Ryumina. – M.: Znak, 1998. – 251 s.

Grishanova Ye. V., post-graduate student of Donetsk National University (MES of Ukraine) (Ukraine, Krasnoarmiysk), katyushka.0312@mail.ru

Russian theory comic aspect of modern philosophical inquiry

The article deals with the problem of the comic in the context of the philosophical study of the domestic theory. We analyzed the work on the definition of humor, as well as the essence of the problem is a comic patriotic theory as a basis for understanding of the humor in Russian culture.

Keywords: humor, laugh, category of the comic, comic concept.

Гришанова К. В., аспирантка, Донецький національний університет (МОН України) (Україна, Красноармійськ), katyushka.0312@mail.ru

Російська теорія комічного в аспекті сучасного філософського дослідження

Розглянута проблема комічного в контексті філософського дослідження вітчизняної теорії. Проаналізовано варіанти визначення поняття гумору, а також показано сутність проблеми комічного вітчизняній теорії як основи розуміння гумору в російській культурі.

Ключові слова: гумор, сміх, категорія комічного, концепція комічного.

* * *

УДК 82:82.0.051

Абузерли А.,
руководитель учебной части, Университет
«Нахичевань» (Азербайджан),
anar_abuzerov@mail.ru

ВЕЛИКИЙ БОРЕЦ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ

Жизнь и деятельность Мамеда Таги Сидги хотя и связана с одной провинцией, с древним городом Нахчыван, который считается центром провинции, но его все творчество определяет новые направления для Азербайджана литературной среды.

Ключевые слова: Мамед Таги Сидги, Нахичевань, Орудубад, Азербайджан Mollanaraddin литература.

(статья друкється мовою оригіналу)

Во второй половине XIX, в начале XX века Мамед Таги Сидги, который выделялся в Нахчыванской литературной среде своим всесторонним творчеством, кипучей деятельности, своим печерком сыграл важную роль в развитии просвещения, литературы, филологической мысли и культуры Азербайджана. Сидги, который родился